
**КРОССКУЛЬТУРНЫЕ И ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ**
CROSS-CULTURAL AND ETHNOPSYCHOLOGICAL RESEARCH

Влияние мотивации к этнокультурной преемственности и стратегий аккультурации родителей на аккультурацию детей в русских семьях Латвии

Т.А. Рябиченко*

Экспертный институт Национального исследовательского университета «Высшая школа Экономики»,
Москва, Россия,
tryabichenko@hse.ru

Н.М. Лебедева**

Экспертный институт Национального исследовательского университета «Высшая школа Экономики»,
Москва, Россия,
nlebedeva@hse.ru

И.Д. Плотка***

Балтийский Институт психологии и менеджмента, Рига, Латвия,
irinaplotka@inbox.lv

В статье представлены результаты эмпирического исследования взаимосвязи мотивации к этнокультурной преемственности и стратегий аккультурации этнических меньшинств (на примере русских в Латвии). Поскольку аккультурация представляет собой процесс, затрагивающий многие поколения, нами был использован исследовательский план, включающий представителей двух поколений одной и той же семьи (родителей и детей). В исследовании приняли участие 112 русских семей (родители: N=112, возраст 35–59 лет, Me=42; дети: N=112, возраст 16–24 года, Me=17). Использовался опросник, включающий стратегии аккультурации Д. Берри, шкалы удовлетворенности жизнью и собой, а также шкалу мотивации к этнокультурной преемственности К. Уорд. С помощью структурного моделирования выявлено, что со стратегиями аккультурации детей значимо взаимосвязаны стратегии аккультурации их родителей, а также мотивация к этнокультурной преемственности самих детей. Выбор подростками стратегии интеграции позитивно связан с удовлетворенностью собой, в случае маргинализации и ассимиляции данная связь отрицательна.

Ключевые слова: аккультурация, мотивация к этнокультурной преемственности, этнические меньшинства, стратегии аккультурации, удовлетворенность жизнью, удовлетворенность собой.

Для цитаты:

Рябиченко Т.А., Лебедева Н.М., Плотка И.Д. Влияние мотивации к этнокультурной преемственности и стратегий аккультурации родителей на аккультурацию детей в русских семьях Латвии // Культурно-историческая психология. 2015. Т. 11. № 2. С. 68–79. doi: 10.17759/chp.2015110207.

* *Рябиченко Татьяна Анатольевна*, младший научный сотрудник Международной научно-учебной лаборатории, Экспертный институт Национального исследовательского университета «Высшая школа Экономики», Москва, Россия. *tryabichenko@hse.ru*

** *Лебедева Надежда Михайловна*, доктор психологических наук, профессор кафедры организационной психологии, руководитель Международной научно-учебной лаборатории, Экспертный институт Национального исследовательского университета «Высшая школа Экономики», Москва, Россия. *nlebedeva@hse.ru*

*** *Плотка Ирина Даниловна*, доктор психологии, профессор, директор направления «Психология», Балтийский Институт психологии и менеджмента, директор профессиональной магистерской программы «Психология», Рига, Латвия. *irinaplotka@inbox.lv*

Введение

В настоящее время многие страны мира являются поликультурными. После распада СССР бывшие республики, ныне независимые государства, также включают в себя многочисленные этнические группы, представляющие собой как мигрантов, так и представителей этнических меньшинств, в том числе русских, проживавших в этих республиках в течение многих поколений. Как протекает их аккультурация в изменившихся условиях, как аккультурация родителей и их желание сохранить (или не сохранять) свою культуру влияет на стратегии аккультурации их детей?

По данным официальной статистики, в 2013 г. на территории Латвии проживало 2 023 825 жителей, из них русские составляли 530 419, т. е. 26,2 % [30]. Несмотря на длительную историю проживания некоторых групп русскоязычного меньшинства в Латвии, большинство русских прибыло на ее территорию после Второй мировой войны, в частности в 60-е гг. XX в. Распад Советского Союза изменил социально-политический и психологический статус русских. Большинству из тех русских, кто проживал на территории Латвии на момент восстановления независимости и даже родился в Латвии, но не являлся потомками граждан Латвии до 1940 г., гражданство не было предоставлено автоматически. Так, в 2005 г. лишь 50% русских являлись гражданами Латвии, остальные оставались лицами без гражданства [21].

Однако ситуация меняется. Вступление Латвии в ЕС увеличило возможности и желание получить латвийское гражданство представителями русскоязычного меньшинства в процессе натурализации (процесс, в ходе которого претенденту на гражданство, сдавшему экзамены по латышскому языку и истории Латвии, давшему присягу Латвийской Республике, присваивается гражданство). С 2013 г. право на автоматическое получение гражданства имеют и дети неграждан (с согласия хотя бы одного родителя). По данным Министерства иностранных дел Латвии число неграждан сократилось с 29% (около 730000) в начале процесса натурализации в 1995 г. до 12% (262 622) к январю 2015 г. Сейчас 84% жителей Латвии являются гражданами страны. В 2014 г. 99% неграждан составляли национальные меньшинства, 66 % из них — русские [20].

Сразу после провозглашения Латвией независимости единственным государственным языком стал латышский. Опросы показывают, что большинство родителей позитивно относятся к необходимости изучения латышского языка их детьми. Наиболее предпочитаемой молодежью стратегией является стратегия интеграции, за ней следует сепарация, наименее предпочитаемой является маргинализация [21].

Однако такие факторы, как отсутствие гражданства у части населения (и вместе с ним запрет на занятие некоторых должностей) и установленные нормы языка для тех, кто не получал образования на латышском языке, оказывают дискриминирующее влияние на возможности трудоустройства этнических русских по сравнению с этническими латышцами.

При этом существенным фактором является именно знание государственного языка. По данным исследования М. Хазана, разрыв между занятостью этнического меньшинства и латышского большинства уменьшался с 1997 по 2007 г., но из-за экономического кризиса повысился к 2009 г. [10].

Благодаря либерализации рынка труда после вступления Латвии в ЕС (и оттока части населения), количество русскоязычных работников в латышских коллективах увеличилось, что в определенной мере способствовало повышению их уровня владения латышским языком. В то же самое время, представители этнических меньшинств, по мнению некоторых исследователей, могут быть в первых рядах тех, кто хочет эмигрировать из Латвии, правда, в основном это касается молодых людей с высшим образованием [11]. В исследовании 2004 г. показано, что как латыши, так и русские на межличностном уровне в основном воспринимают друг друга позитивно, но как к этническим группам в целом относятся с опасением [32].

В основу исследования легла теория аккультурации Д. Берри [3], в соответствии с которой представители этнических меньшинств при адаптации к жизни в «большом» обществе могут придерживаться одной из четырех стратегий: сепарации, ассимиляции, интеграции и маргинализации. В предложенной Д. Берри модели аккультурации предполагается, что установки на поддержание культуры своей группы и на усвоение культуры большинства не противоречат друг другу и являются независимыми. Данная модель получила название модели двух измерений. Предпочтение одной из четырех стратегий аккультурации определяется на основе комбинации ответов на вопросы о предпочтении сохранить свою культуру и идентичность и об участии в контактах с представителями группы большинства. Сепарация предполагает преимущественную ориентацию на сохранение собственной культуры, ассимиляция — отказ от культуры своей группы в пользу культуры доминирующего общества, интеграция — включение в культуру «большого» общества наряду с сохранением собственной этнической культуры, маргинализация — отказ от обеих культур. Выбор этих стратегий может быть обусловлен как факторами, связанными с условиями жизни данной группы в обществе (статус группы, установки принимающего населения, проводимая государством политика, воспринимаемая дискриминация и т.п. [14]), так и личностными факторами, например, ценностями [1; 9; 23].

С точки зрения результатов аккультурационного процесса — психологической и социокультурной адаптации — к наиболее успешным стратегиям относятся интеграцию, к наименее успешным — маргинализацию [2; 4; 5; 6; 16; 25]. Сепарация в основном способствует хорошей психологической адаптации, а ассимиляция может быть связана с успешной социокультурной адаптацией [5; 25].

Однако при сравнении различных стратегий аккультурации с точки зрения ее результатов необходим учет специфики страны, в которой протекает ак-

культурационный процесс. Стратегия сепарации может обеспечить хорошую адаптацию в странах с большим культурным разнообразием и оказывать негативное воздействие на адаптацию в культурно-гомогенных странах [13]. Если контекст группового взаимодействия не воспринимается как способствующий сохранению культуры меньшинства, ориентация на сохранение собственной культуры снижает удовлетворенность жизнью даже у тех, кто ориентирован на интеграцию и участвует в межгрупповых контактах. Принятие культуры большинства ведет к большему субъективному благополучию в случае низкого уровня *воспринимаемого обесценивания* собственной группы (perceived group devaluation) [17]. Эмпирическое исследование выявило, что для ориентированных на интеграцию русских жителей Эстонии характерен более низкий уровень удовлетворенности жизнью, чем для ориентированных на ассимиляцию, сепарацию и маргинализацию. Причем в наибольшей степени это происходит вследствие негативного влияния ориентации на поддержание собственной культуры на психологическую адаптацию и межгрупповые отношения. Оказалось, что наиболее позитивные результаты адаптации продемонстрировали те, кто ориентирован на ассимиляцию. Для них характерны более высокий уровень удовлетворенности жизнью и более позитивные этнические установки по отношению к эстонцам, чем для тех, кто ориентирован на интеграцию, сепарацию и маргинализацию. Исследователи делают вывод, что в условиях, принуждающих к ассимиляции, выбор этой стратегии может приводить к более позитивным межгрупповым установкам и субъективному благополучию представителей этнических меньшинств [17; 31].

Однако в случае ассимиляции или маргинализации встает вопрос о сохранении этнической культуры и жизнеспособности самой группы меньшинства. Если значительная часть представителей группы меньшинства в процессе аккультурации приспособится к доминирующему обществу и при этом они не будут в состоянии передать культуру своим детям и внукам, то группа меньшинства перестанет существовать в качестве целостной культурной группы [24].

Кроме того, утрата собственной культуры может привести к негативным последствиям на уровне личности. Поскольку коллективная история дает людям социальную (этническую, культурную и т.п.) идентичность и ощущение опоры, люди находят утешение в убеждении, что их национальная группа устойчива во времени. Растущее количество исследований показывает, что чувство коллективной преемственности обеспечивает экзистенциальную безопасность [26; 27; 28; 29]. Причина кроется в том, что даже если люди осознают, что сами они, в конечном счете, умрут, коллективная преемственность предполагает, что часть собственной личности, определяемая групповым членством, сохранится на протяжении поколений в качестве бессмертного Я [15; 22; 29].

Поскольку процесс аккультурации включает в себя не только реакцию на среду, но и личностный вы-

бор, что подразумевает учет мотивации и активности самих индивидов [8], в нашем исследовании мы используем понятие «мотивация к этнокультурной преемственности» (МЭП) [7].

Под групповой преемственностью (collective continuity) в широком смысле понимают, с одной стороны, «воспринимаемую культурную преемственность» (perceived cultural continuity), связанную с сохранением и продолжением некоторых основных, глубоко укоренившихся и неизменных, аспектов культуры, с другой стороны, «воспринимаемую нарративную преемственность» (perceived narrative continuity), связанную с восприятием исторических этапов или событий как причинно взаимосвязанных в текущей истории [26; 27; 29]. В эмпирическом исследовании, проведенном в Голландии в группе большинства, было показано, что на межгрупповые отношения оказывает влияние только один из аспектов групповой преемственности — воспринимаемая культурная преемственность. Представители принимающего населения, характеризующиеся высоким уровнем мотивации к этнокультурной преемственности, в большей степени обеспокоены вопросами сохранения своей национальной культуры и идентичности. Как следствие, у них в большей степени проявляется восприятие угрозы со стороны иммигрантов-мусульман, что, в свою очередь, приводит к проявлению установок на ограничение прав мусульман на публичное выражение своей религиозной принадлежности и исполнение религиозных обрядов [29].

Под этнокультурной преемственностью следует понимать процесс, посредством которого различные этнокультурные группы сохраняют свою уникальность. Мотивация к этнокультурной преемственности (МЭП) — это мера активного участия членов этнокультурных групп в обеспечении культурной устойчивости группы. Если передача культуры и коллективное выживание составляют цель и проекцию будущего членов группы меньшинства, то изучение процесса достижения этой цели будет способствовать пониманию некоторых механизмов, лежащих в основе культурной устойчивости диаспоры [7].

Для нашего исследования важно отметить, что мотивация к этнокультурной преемственности связана именно с поддержанием культуры своей этнической группы в модели двух измерений теории Д. Берри [25]. Можно предположить, что данный вид мотивации будет способствовать или препятствовать выбору представителями меньшинств определенных стратегий аккультурации: например, способствовать выбору стратегий, нацеленных на поддержание своей культуры (интеграции и сепарации) и препятствовать выбору стратегий отказа от поддержания своей культуры (ассимиляции и маргинализации).

Эмпирических исследований с применением этого конструкта на сегодняшний день очень мало. В исследовании, проведенном в мультикультурном контексте Новой Зеландии, не было выявлено взаимосвязи мотивации к этнокультурной преемственности со стратегией ассимиляции в трех группах этни-

ческих меньшинств. При этом мотивация членов различных групп к этнокультурной преемственности была связана с предпочтением форм поведения, которые способствуют сохранению группы, например, с предпочтением моноэтнических браков [7].

Мы предполагаем, что в условиях существования воспринимаемой угрозы культурной идентичности, когда социокультурный контекст воспринимается как дискриминационный или понуждающий к ассимиляции, будут обнаружены взаимосвязи данного конструкта (как позитивные, так и негативные) со стратегиями аккультурации.

К рассматриваемым в нашем исследовании вопросам относится также проблема влияния семьи и родителей на стратегии аккультурации детей. Можно предположить, что на выбор детьми стратегий аккультурации, помимо собственной мотивации к этнокультурной преемственности, оказывают воздействие родительские стратегии аккультурации и мотивация родителей к сохранению родной культуры и идентичности.

Кроме того, мы также решили посмотреть, насколько разные стратегии аккультурации способствуют успешной психологической адаптации. Согласно многочисленным эмпирическим исследованиям, интеграция является наиболее успешной стратегией аккультурации, способствуя социокультурной и психологической адаптации мигрантов и этнических меньшинств. С точки зрения адаптации, стратегия маргинализации является наименее благоприятной, а стратегии сепарации и ассимиляции занимают промежуточное положение [2; 25].

Гипотезы исследования можно разделить на две группы: первая группа отражает процессы, происходящие на индивидуальном уровне внутри поколений, вторая — на групповом, межпоколенном, уровне.

Внутрипоколенные взаимосвязи.

1. Мотивация к этнокультурной преемственности негативно взаимосвязана со стратегиями ассимиляции и маргинализации.

2. Мотивация к этнокультурной преемственности позитивно взаимосвязана со стратегиями интеграции и сепарации.

3. Выбор детьми стратегии интеграции позитивно взаимосвязан с индикаторами их психологического благополучия (удовлетворенностью жизнью и удовлетворенностью собой).

4. Выбор детьми стратегии ассимиляции, маргинализации и сепарации негативно взаимосвязан с индикаторами их психологического благополучия (удовлетворенностью жизнью и удовлетворенностью собой).

Межпоколенные взаимосвязи.

5. Мотивация к этнокультурной преемственности родителей позитивно взаимосвязана с мотивацией к этнокультурной преемственности их детей.

6. Стратегии аккультурации родителей позитивно взаимосвязаны с аналогичными стратегиями их детей.

7. Мотивация к этнокультурной преемственности родителей позитивно взаимосвязана со стратегиями сепарации и интеграции и негативно — со стратегиями ассимиляции и маргинализации их детей.

Метод

Участники исследования. Выборку составили 112 диад, представляющие два поколения одной семьи, всего 224 респондента (русские жители Риги).

Гендерные и возрастные характеристики выборки приводятся в табл. 1.

Таблица 1

Гендерные и возрастные характеристики выборки

Поколение	N	Пол				Возраст*		
		муж.	%	жен.	%	Min	Max	Me
Родители	112	5	4,5	107	95,5	35	59	42
Дети	112	36	32,1	76	67,9	16	24	17

Условные обозначения: N — количество человек; Min — минимальное значение; Max — максимальное значение; Me — медиана; «*» — 75% родителей и 94% детей указали Латвию в качестве места своего рождения

Процедура исследования. Участники исследования — дети заполняли опросник на русском языке в присутствии интервьюера, их родители заполняли опросники самостоятельно дома и передавали их исследователям. Заполнение опросника в среднем занимало 35 мин.

Методики. В опросник были включены шкалы из опросника MIRIPS (Mutual Intercultural Relations in Plural Societies, <http://www.victoria.ac.nz/cacr/research/mirips>), перевод и адаптация Н. Лебедевой и А. Татарко [2], и переведенные нами на русский язык вопросы шкалы мотивации к этнокультурной преемственности (МЭП) [7].

Степень согласия с каждым из утверждений оценивалась по пятибалльной шкале: утверждению «абсолютно не согласен» соответствовал 1 балл, «абсолютно согласен» — 5 баллов. Анкета включала также вопросы, направленные на выявление социально-демографических характеристик респондентов.

Шкала стратегий аккультурации. В шкалу входят 16 вопросов, по 4 вопроса для оценки каждой из следующих аккультурационных стратегий: интеграция — «Я считаю, что русские, живущие в Латвии, должны как поддерживать собственные культурные традиции, так и усваивать латышские»; ассимиляция — «Я считаю, что русские, живущие в Латвии, должны усваивать латышские культурные традиции и не поддерживать собственные»; сепарация — «Я считаю, что русские, живущие в Латвии, должны сохранять свои культурные традиции и не усваивать латышские» и маргинализация — «Я считаю, что для русских не важно, поддерживали собственные культурные традиции или усваивать латышские».

Шкала удовлетворенности собой. В шкалу входят 3 вопроса, например, «Я считаю, что у меня есть хорошие качества».

Шкала удовлетворенности жизнью. Эта шкала включает 4 вопроса, например, «Я удовлетворен своей жизнью».

Шкала мотивации к этнокультурной преемственности (МЭП) [7]. Шкала построена по типу шкалы

Лайкерта. В оригинальном варианте она содержит 10 вопросов. Переведена на русский язык с помощью прямого и обратного перевода, адаптирована в исследованиях в России и Латвии авторами данной статьи. После проверки шкалы на согласованность при помощи мультигруппового конфирматорного факторного анализа в обеих группах респондентов, мы оставили 5 вопросов шкалы. Пример: «Для меня важно продолжать соблюдать русские традиции и праздники».

В анкете были также пункты, выясняющие социально-демографические характеристики респондентов (пол, возраст, этническую самоидентификацию).

При обработке результатов использовались мультигрупповой конфирматорный факторный анализ и моделирование структурными уравнениями. Обработка результатов проводилась с помощью статистического пакета SPSS 21.0 и приложения AMOS 21.0.

Результаты

Вначале мы провели межпоколенное сравнение измеряемых конструкторов. Результаты сравнения средних по шкалам мотивации к этнокультурной преемственности и стратегий аккультурации представлены в табл. 2.

Представленные в табл. 2 результаты свидетельствуют о том, что родители обладают более выраженной мотивацией к этнокультурной преемственности, чем их дети. Что касается аккультурационных предпочтений, то здесь значимых межпоколенных различий выявлено не было. Наиболее предпочитаемой стратегией является стратегия интеграции, за ней следуют сепарация и маргинализация, а наименее предпочитаемой является стратегия ассимиляции,

предполагающая отказ от собственной культуры.

Далее, с помощью структурного моделирования нами тестировались модели, построенные в соответствии с гипотезами, в которых предполагалось, что мотивация к этнокультурной преемственности родителей связана как с аналогичной мотивацией их детей, так и со стратегиями аккультурации самих родителей и их детей. В свою очередь, мотивация к этнокультурной преемственности самих детей также влияет на выбор ими стратегий аккультурации. Стратегии аккультурации родителей позитивно взаимосвязаны с аналогичными стратегиями их детей. Стратегии аккультурации самих детей взаимосвязаны с показателями их психологического благополучия: удовлетворенностью жизнью и удовлетворенностью собой. Тестируемая модель представлена на рис.

Всего проверено 4 модели, различающиеся выбором родителями и их детьми определенных стратегий аккультурации. Модель ассимиляции родителей и соответствующей ассимиляции детей — Модель 1, маргинализации — Модель 2, сепарации — Модель 3 и интеграции — Модель 4. Характеристики полученных моделей, приведенные в табл. 3, являются удовлетворительными.

Вначале рассмотрим результаты, полученные для моделей, в которых предпочитаемые детьми и родителями стратегии аккультурации свидетельствуют о тенденциях утраты культуры — это стратегии ассимиляции и маргинализации. Стандартизированные коэффициенты регрессионных связей для модели ассимиляции приведены в табл. 4, для модели маргинализации — в табл. 5.

Приведенные в табл. 4 результаты показывают, что как в поколении родителей, так и в поколении детей, мотивация к этнокультурной преемственнос-

Таблица 2
 Межгрупповое сравнение средних значений показателей мотивации к этнокультурной преемственности (МЭП) и стратегий аккультурации

Шкала	Родители		Дети	
	Среднее	Станд. откл.	Среднее	Станд. откл.
МЭП	4,18***	,73	3,77***	,85
Ассимиляция	1,72	,80	1,80	,81
Маргинализация	2,16	,73	2,26	,72
Сепарация	2,69	,86	2,67	,96
Интеграция	4,04	,69	4,02	,82

Условные обозначения: «***» — $p \leq 0,001$.

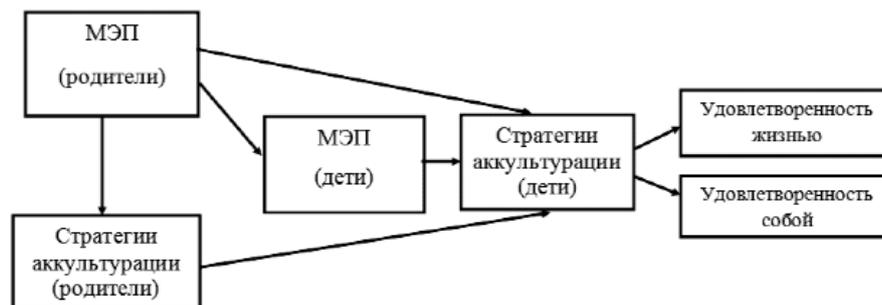


Рис. Тестируемая модель

Характеристики эмпирических моделей

Модели	χ^2	χ^2/df	CFI	RMSEA	PCLOSE
Модель 1 (ассимиляция)	37	1,39	,93	,06	,14
Модель 2 (маргинализация)	37	1,37	,92	,06	,19
Модель 3 (сепарация)	36	1,33	,93	,06	,29
Модель 4 (интеграция)	36	1,35	,93	,06	,24

Условные обозначения: χ^2 — значение статистики хи-квадрат; df — число степеней свободы; CFI — сравнительный индекс соответствия Бентлера; RMSEA — корень среднеквадратической ошибки аппроксимации; PCLOSE — р-тест близкого соответствия.

Таблица 4

Стандартизированные коэффициенты регрессионных связей в модели ассимиляции

	β
МЭП родителей → МЭП детей	,45***
МЭП родителей → ассимиляция родителей	-,56***
МЭП родителей → ассимиляция детей	,19
МЭП детей → ассимиляция детей	-,39**
Ассимиляция родителей → ассимиляция детей	,61***
Ассимиляция детей → удовлетворенность жизнью	-,11
Ассимиляция детей → удовлетворенность собой	-,57***

Условные обозначения: β — стандартизированный коэффициент регрессии; «*» — $p \leq 0,05$; «**» — $p \leq 0,01$; «***» — $p \leq 0,001$.

ти препятствует выбору стратегии ассимиляции. Мотивации к этнокультурной преемственности родителей и детей взаимосвязаны позитивно, при этом прямого влияния на выбор стратегии ассимиляции детей родительская мотивация не оказывает. С выбором детьми стратегии ассимиляции позитивно взаимосвязан выбор этой стратегии их родителями. Как можно заметить, стратегия ассимиляции у детей не способствует их удовлетворенности собой, а взаимосвязь данной стратегии с удовлетворенностью жизнью оказалась негативной и незначимой.

Полученные для модели маргинализации результаты (табл. 5) свидетельствуют о том, что мотивация к этнокультурной преемственности негативно связана с выбором данной стратегии в обоих поколениях. Взаимосвязь предпочтений стратегии маргинализации родителями и их детьми оказалась незначимой. Что касается психологических последствий выбора стратегии маргинализации, то здесь выявлена сильная отрицательная взаимосвязь с удовлетворенностью собой в поколении детей.

Сравнение приведенных моделей позволяет сделать вывод, что в обоих поколениях мотивация к этнокультурной преемственности препятствует выбору стратегий маргинализации и ассимиляции. Мотивация к этнокультурной преемственности у родителей и детей позитивно взаимосвязана во всех моделях, что может свидетельствовать о существовании внутрисемейной передачи мотивации к этнокультурной преемственности от родителей к детям. Напрямую мотивация к этнокультурной преемственности родителей на выбор стратегий ассимиляции и маргинализации детьми не влияет ни в одном из рас-

Таблица 5

Стандартизированные коэффициенты регрессионных связей в модели маргинализации

	β
МЭП родителей → МЭП детей	,45***
МЭП родителей → маргинализация родителей	-,37*
МЭП детей → маргинализация детей	-,35**
МЭП родителей → маргинализация детей	-,09
Маргинализация родителей → маргинализация детей	,20
Маргинализация детей → удовлетворенность жизнью	-,16
Маргинализация детей → удовлетворенность собой	-,74***

Условные обозначения: β — стандартизированный коэффициент регрессии; «*» — $p \leq 0,05$; «**» — $p \leq 0,01$; «***» — $p \leq 0,001$.

смотренных случаев. Стратегия ассимиляции родителей способствует выбору стратегии ассимиляции их детьми, однако взаимосвязи стратегий маргинализации родителей и детей не выявлено. Выбор стратегий, связанных с утратой культуры, не ведет к благоприятным психологическим последствиям: удовлетворенности собой ($\beta = -,57$ и $-,74$ соответственно) и не связан с удовлетворенностью жизнью в поколении детей.

Далее рассмотрим модели, построенные для стратегий, связанных с сохранением культуры — сепарацией и интеграцией. Стандартизированные коэффициенты регрессионных связей для сепарации приведены в табл. 6, для интеграции — в табл. 7.

Приведенные в табл. 6 результаты показывают, что в поколении детей мотивация к этнокультурной

Таблица 6

Стандартизированные коэффициенты регрессионных связей в модели сепарации

	β
МЭП родителей → МЭП детей	,43***
МЭП родителей → сепарация родителей	-,07
МЭП родителей → сепарация детей	,03
МЭП детей → сепарация детей	,31*
Сепарация родителей → сепарация детей	,31*
Сепарация детей → удовлетворенность жизнью	-,05
Сепарация детей → удовлетворенность собой	-,17

Условные обозначения: β — стандартизированный коэффициент регрессии; «*» — $p \leq 0,05$; «**» — $p \leq 0,01$; «***» — $p \leq 0,001$.

преемственности значимо позитивно взаимосвязана с выбором стратегии сепарации. Стратегия сепарации родителей позитивно взаимосвязана с выбором стратегии сепарации их детьми. Выбор детьми стратегии сепарации ведет к снижению их удовлетворенности собой, а с удовлетворенностью жизнью данная стратегия не взаимосвязана.

Таблица 7

**Стандартизированные коэффициенты
регрессионных связей в модели интеграции**

	β
МЭП родителей → МЭП детей	,45***
МЭП родителей → интеграция родителей	,25*
МЭП родителей → интеграция детей	-,06
МЭП детей → интеграция детей	,15
Интеграция родителей → интеграция детей	,07
Интеграция детей → удовлетворенность жизнью	-,12
Интеграция детей → удовлетворенность собой	,38***

Условные обозначения: β – стандартизированный коэффициент регрессии; «*» – $p \leq 0,05$; «**» – $p \leq 0,01$; «***» – $p \leq 0,001$.

Результаты, полученные для модели интеграции (табл. 7), показывают, что значимая позитивная взаимосвязь мотивации к этнокультурной преемственности с выбором стратегии интеграции выявлена только в поколении родителей, в поколении детей эта связь тоже позитивна, но не значима. Значимой взаимосвязи стратегии интеграции родителей с аналогичной стратегией их детей не обнаружено. При этом выявлена значимая позитивная взаимосвязь между стратегией интеграции и удовлетворенностью собой у детей.

Для стратегий, связанных с сохранением культуры, выявлены межпоколенные различия во взаимосвязях мотивации к этнокультурной преемственности и стратегий аккультурации. Данная мотивация способствует выбору стратегии интеграции только в поколении родителей, а в поколении их детей оказывается позитивно взаимосвязанной с выбором стратегии сепарации. Прямого влияния на выбор детьми стратегий аккультурации родительская мотивация к этнокультурной преемственности не оказывает.

Обсуждение результатов

Данное исследование является первым, в котором относительно новый конструкт – мотивация к этнокультурной преемственности – используется для изучения процесса аккультурации этнических меньшинств в межпоколенной перспективе. В фокусе нашего исследования – стратегии аккультурации детей из семей русских жителей Латвии, принадлежащих к этническому меньшинству. Мы проверяли, как мотивация к этнокультурной преемственности родителей и детей, а также стратегии аккультурации родителей взаимосвязаны со стратегиями аккультурации их детей.

Перевод на русский язык шкалы мотивации к этнокультурной преемственности приведен в приложении А. Характеристики модели, а также факторные нагрузки для вопросов, отобранных для нашего исследования с помощью мультигруппового факторного анализа, приводятся в приложении Б. Структурная эквивалентность русской версии шкалы мотивации к этнокультурной преемственности для двух поколений доказана для 5-ти из 10-ти вопросов шкалы.

Выявлено существование взаимосвязи мотивации к этнокультурной преемственности со стратегиями аккультурации в обоих поколениях. В поколении родителей она значимо больше выражена, чем в поколении детей, в то время как не существует значимых межпоколенных различий в предпочтении стратегий аккультурации: как родители, так и дети больше всего предпочитают стратегию интеграции, меньше всего – стратегию ассимиляции. В поколении родителей мотивация к этнокультурной преемственности способствует интеграции, в поколении детей – позитивно взаимосвязана с сепарацией. Получается, что стремление к поддержанию собственной культуры для молодого поколения в большей степени связано не с выбором обладающей преимуществами [5; 25] стратегии интеграции, а с ориентацией преимущественно на собственную культуру при отвержении культуры доминирующей группы. Возникает некоторый парадокс: с одной стороны, молодежь более социально интегрирована, чем поколение родителей, для них факт проживания в независимом латвийском государстве является данностью с момента рождения, большинство обладают гражданством, государственный язык осваивают в процессе школьного обучения; с другой стороны, это поколение поддержание своей культуры видит скорее через призму сепарации. Однако выбор данной стратегии не связан с позитивными психологическими последствиями – удовлетворенностью жизнью и удовлетворенностью собой.

Выявленные отрицательные взаимосвязи мотивации к этнокультурной преемственности со стратегиями ассимиляции и маргинализации свидетельствуют о том, что мотивация к этнокультурной преемственности препятствует утрате культуры в обоих поколениях. Результат, полученный в исследовании в Новой Зеландии, где связь мотивации к этнокультурной преемственности и стратегии ассимиляции не была обнаружена [7], в латвийском контексте воспроизведен не был. Мы это связываем с особенностями мультикультурного контекста Новой Зеландии, в котором проводилось исследование. В данном обществе единственной стратегией, способствующей психологическому благополучию (удовлетворенности собой), является интеграция, для которой, как мы помним, характерно стремление сохранить свою культуру наряду с принятием культуры большинства. По-видимому, латвийский контекст является более ассимиляционистским по сравнению с контекстом Новой Зеландии.

В нашем исследовании выявлено, что стратегии аккультурации поколения детей из семей этнических меньшинств определяются как стратегиями аккультурации родителей, так и собственной мотивацией детей к этнокультурной преемственности. При этом мотивация родителей к сохранению своей культурной группы не оказывает прямого влияния на выбираемые детьми стратегии аккультурации, однако с мотивацией к этнокультурной преемственности детей она связана позитивно.

Ни в одной из представленных моделей взаимосвязи стратегий аккультурации с удовлетворенностью жизнью не обнаружено. Это также может отражать особенности латвийского социокультурного контекста, а именно: воспринимаемое неравенство групп, существование лиц без гражданства, болезненно воспринятая реформа образования национальных меньшинств и т.п.

Исследование показало, что только выбор стратегии интеграции ведет к удовлетворенности собой у молодого поколения русских в Латвии. Выбор стратегий ассимиляции, маргинализации и сепарации ведет к ее снижению. Это согласуется с результатами других исследований, показавших, что интеграция способствует наиболее успешной социокультурной и психологической адаптации [19; 25].

Итак, проведенное нами исследование позволило прийти к следующим **выводам**.

Финансирование

Статья подготовлена в результате проведения исследования в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ.

1. Мотивация к этнокультурной преемственности негативно взаимосвязана со стратегиями ассимиляции и маргинализации в обоих поколениях русских Латвии.

2. Мотивация к этнокультурной преемственности позитивно взаимосвязана со стратегией интеграции в поколении родителей и со стратегией сепарации в поколении детей.

3. Прямого влияния мотивации к этнокультурной преемственности родителей на стратегии аккультурации детей не обнаружено.

4. Мотивация к этнокультурной преемственности родителей позитивно взаимосвязана с мотивацией к этнокультурной преемственности детей.

5. Стратегии ассимиляции и сепарации родителей позитивно взаимосвязаны с теми же стратегиями их детей.

6. Интеграция является единственной стратегией, позитивно взаимосвязанной с одним из показателей психологического благополучия — удовлетворенностью собой в поколении детей.

В дальнейшем мы предполагаем провести кросс-культурное исследование влияния мотивации к этнокультурной преемственности на стратегии аккультурации мигрантов и этнических меньшинств, с одной стороны, и представителей доминирующего общества — с другой, с целью выявления универсальных и культурно-специфических особенностей сохранения этнической культуры на групповом и индивидуальном уровнях.

Приложение А

Перевод на русский язык шкалы мотивации к этнокультурной преемственности [7], адаптированный для Латвии.

1. Для меня важно продолжать соблюдать русские традиции и праздники.
2. В целом, я бы хотел, чтобы мои дети считали себя русскими.
3. Будущее русской культуры в Латвии меня НЕ заботит.
4. Сохранение моих русских корней – НЕ главное для меня.
5. Я бы хотел, чтобы мои дети изучали русский язык.
6. В долгосрочной перспективе, я бы хотел, чтобы мои внуки и правнуки сохраняли свою русскость.
7. Я НЕ против отхода от русских традиций.
8. Я бы хотел жить, следуя русским традициям.
9. Я хочу передать детям интерес и любовь к русской культуре.
10. Хорошо, когда дома создана такая среда, в которой русские традиции были бы естественной частью жизни моих детей.

Приложение Б

Характеристики мультигрупповой модели: $\chi^2(10)=19,6$; $\chi^2/df=1,80$; CFI=,98; RMSEA=,06; PCLOSE=,30.

Таблица

Факторные нагрузки отобранных для исследования вопросов шкалы мотивации к этнокультурной преемственности в двух поколениях русских Латвии

Вопрос шкалы	Родители	Дети
Для меня важно продолжать соблюдать русские традиции и праздники	,73***	,78***
В целом, я бы хотел, чтобы мои дети считали себя русскими	,87***	,74***
В долгосрочной перспективе, я бы хотел, чтобы мои внуки и правнуки сохраняли свою русскость	,76***	,77***
Я хочу передать детям интерес и любовь к русской культуре	,89***	,90***
Хорошо, когда дома создана такая среда, в которой русские традиции были бы естественной частью жизни моих детей	,78***	,72***

Условные обозначения: «***» – $p \leq ,001$.

Литература

1. *Рябиченко Т.А.* Индивидуальные ценности как предикторы стратегий аккультурации этнических меньшинств // XV апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества: в 4 кн. Кн. 4 / Отв. ред. Е.Г. Ясин. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2015. С. 509–514.
2. Стратегии межкультурного взаимодействия мигрантов и населения России: сб. научных статей / Под ред. Н.М. Лебедевой и А.Н. Татарко. М.: РУДН, 2009. 420 с.
3. *Berry J.* Psychology of acculturation / J. Berman (Ed.) // Cross-cultural perspectives: Nebraska Symposium on motivation. Lincoln, NE: University of Nebraska Press. 1990. Vol. 37. P. 201–234.
4. *Berry J.W., Sabatier C.* Acculturation, discrimination, and adaptation among second generation immigrant youth in Montreal and Paris // International Journal of Intercultural Relations. 2010. Vol. 34(3). P. 191–207.
5. *Berry J.W., Sabatier C.* Variations in the assessment of acculturation attitudes: Their relationships with psychological wellbeing // International Journal of Intercultural Relations. 2011. Vol. 35. P. 658–669.
6. *Cara O.* The Acculturation of Russian-Speaking Adolescents in Latvia. Language Issues Three Years After the 2004 Education Reform // European Education. 2010. Vol. 42, № 1. P. 8–36.
7. *Gezentsvey Lamy M.A., Ward C., Liu J.* Motivation for Ethno-cultural Continuity // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2013. Vol. 44. P. 1047–1066.
8. *Gezentsvey M., Ward C.* Unveiling agency: A motivational perspective on acculturation and adaptation / R. Sorrentino S. Yamaguchi (Eds.) // Handbook of motivation and cognition across cultures. San Diego: Elsevier, 2008. P. 213–236.
9. *Güngör D.* The interplay between values, acculturation and adaptation: A study on Turkish-Belgian adolescents // International Journal of Psychology. 2007. Vol. 42 (6). P. 380–392.
10. *Hazans M.* Labor Market Integration of Ethnic Minorities in Latvia / Eds. by M. Kahanec, K.F. Zimmermann // Ethnic Diversity in European Labour Market Challenges and Solutions. Cheltenham, United Kingdom, Northampton, Edward Elgar, United States, 2011. P. 163–197.
11. *Iolevs A.* Minorities on the move? Assessing post-enlargement emigration intentions of Latvia's Russian speaking minority // The Annals of Regional Science. 2013. Vol. 51. P. 33–52.
12. *Jasinskaja-Lahti I.* Long-term immigrant adaptation: eight-year follow-up study among immigrants from Russia and Estonia living in Finland // International Journal of Psychology. 2008. Vol. 43(1). P. 6–18.
13. *Jasinskaja-Lahti I., Horenczyk G., Kinunen T.* Time and context in the relationship between acculturation attitudes and adaptation among Russian-speaking immigrants in Finland and Israel // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2011. Vol. 37. P. 1423–1440.
14. *Jasinskaja-Lahti I., Liebkind K., Horenczyk G., Schmitz P.* The interactive nature of acculturation: perceived discrimination, acculturation attitudes and stress among young ethnic repatriates in Finland, Israel and Germany // International Journal of Intercultural Relations. 2003. Vol. 27 (1). P. 79–97.
15. *Jetten J., Hutchison P.* When groups have a lot to lose: Historical continuity enhances resistance to a merger // European Journal of Social Psychology, 2011. Vol. 41. P. 335–343.
16. *Kruusvall J., Vetik R., Berry J.W.* The Strategies of Inter-Ethnic Adaptation of Estonian Russians // Studies of Transition States and Societies. 2009. Vol. 1, issue 1. P. 3–24.
17. *Kus-Harbord L., Ward C.* Ethnic Russians in post-Soviet Estonia: Perceived devaluation, acculturation, well-being, and ethnic attitudes // International Perspectives in Psychology: Research, Practice, Consultation. 2015. Vol. 4(1). P. 66–81.
18. Naturalizācija. 2014. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.mfa.gov.lv/lv/Arpolitika/integracija/pilsoniba/naturalizacija/> [Натурализация] (дата обращения 28.10.2014).
19. *Nguyen A.M., Benet-Martinez V.* Biculturalism and adjustment: A meta-analysis // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2013. Vol. 44(1). P. 122–159.
20. Pilsonibas un migrācijas lietu parvaldes iedzīvotāju reģistrs. Регистр жителей управления по делам гражданства и миграции. 2014. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.mfa.gov.lv/lv/Arpolitika/integracija/pilsoniba/ikums>. (дата обращения 28.10.2014).
21. *Pisarenko O.* The Acculturation Modes of Russian Speaking Adolescents in Latvia: Perceived Discrimination and Knowledge of the Latvian Language // Europe-Asia Studies. 2006. Vol. 58. № 5. P. 751–773.
22. *Reicher S.* Making a past fit for the future: The political and ontological dimensions of historical continuity / F. Sani (Ed.) // Self continuity: Individual and collective perspectives. Hove, UK: Psychology Press, 2008. P. 145–158.
23. *Roccas S., Horenczyk G., Schwartz S.H.* Acculturation discrepancies and well-being: the moderating role of conformity // European Journal of Social Psychology. 2000. Vol. 30, Issue 3. P. 323–334.
24. *Rudmin F.W.* Steps towards the renovation of acculturation research paradigms // Culture and Psychology. 2010. Vol. 16. P. 299–312.
25. *Sam D.L., Berry J.W.* (Eds.). Cambridge handbook of acculturation psychology. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 576 p.
26. *Sani F., Bowe M., Herrera M.* Perceived collective continuity: Seeing groups as temporally enduring entities / F. Sani (Ed.) // Self continuity: Individual and collective perspectives. Hove, UK: Psychology Press, 2008. P. 159–172.
27. *Sani F., Bowe M., Herrera M., Manna C., Cossa T., Miao X., Zhou Y.* Perceived collective continuity: Seeing groups as entities that move through time // European Journal of Social Psychology. 2007. Vol. 37. P. 1118–1134.
28. *Sani F., Herrera M., Bowe M.* Perceived collective continuity and ingroup identification as defence against death awareness // Journal of Experimental and Social Psychology. 2009. Vol. 45. P. 242–245.
29. *Smeekes A., Verkuyten M.* When national culture is disrupted: cultural continuity and resistance to Muslim immigrants // Group Processes and Intergroup Relations. 2014. Vol. 17(1). P. 45–66.
30. Statistical Yearbook of Latvia 2013. Central Statistical Bureau of Latvia. Riga, 2014. 535 p.
31. *Ward C.* Probing identity, integration and adaptation // International Journal of Intercultural Relations. 2013. Vol. 37. P. 391–401.
32. *Zepa B., Šupule I., Klave I., Krastina L., Krišāne J., Tomšone I.* Ethnopolitical Tension in Latvia: Looking for the conflict solution. Riga: Baltic Institute of Social Sciences, 2005. 81 p.

Impact of Parents' Motivation for Ethnocultural Continuity and Acculturation Strategies on Acculturation of Children in Russian Families in Latvia

T.A. Ryabichenko*

Expert Institute, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia,
tryabichenko@hse.ru

N.M. Lebedeva**

Expert Institute, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia,
nlebedeva@hse.ru

I.D. Plotka***

Psychology and Management University College, Riga, Latvia,
irinaplotka@inbox.lv

The paper presents outcomes of an empirical research on the relationship between motivation for ethnocultural continuity and acculturation strategies in ethnocultural minorities (with Russians in Latvia as an example). Since acculturation is a process that affects several generations, we adopted a research plan that involved representatives of two generations of a family (parents and children). 112 Russian families participated in the research (parents: N=112, age 35–59, Me=42; children: N=112, age 16–24, Me=17). A questionnaire we used included J. Berry's acculturation strategies, scales of satisfaction with life and oneself, and the Motivation for Ethnocultural Continuity scale by C. Ward. The employed structural modeling revealed that acculturation strategies of the children correlate significantly with those of their parents as well as with their own motivation for ethnocultural continuity. The adolescents' choice of integration strategy is positively related to their satisfaction with themselves; however, in the cases of marginalization and assimilation this relation is negative.

Keywords: acculturation, motivation for ethnocultural continuity, ethnic minorities, acculturation strategies, satisfaction with life, satisfaction with oneself.

Acknowledgments

This paper is based on the research carried out within the HSE Basic Research Programme and funded by the state support programme for the leading Russian universities.

References

1. Ryabichenko T.A. Individual'nye tsennosti kak prediktory strategii akkul'turatsii etnicheskikh men'shinstv [Individual values as predictors of ethnic minorities' acculturation strategies]. In Yasin E.G. (ed.) *Piatnadtzhataya aprel'skaya mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva: v 4-kh knigakh* [Proceedings of the Fifteenth April International Academic

Conference on Economic and Social Development]. Moscow : Izdatel'skii dom NIU VShE, 2015, pp. 509–514.

2. Lebedeva N.M (eds.) *Strategii mezhekul'turnogo vzaimodeistviya migrantov i naseleniya Rossii: Sbornik nauchnykh statei* [The strategies of interethnic relations of ethnic minorities and population of Russia]. Moscow: RUDN, 2009. 420 p.

3. Berry J. Psychology of acculturation. In J. Berman (Ed.). *Cross-cultural perspectives: Nebraska Symposium on*

For citation:

Ryabichenko T.A., Lebedeva N.M., Plotka I.D. Impact of Parents' Motivation for Ethnocultural Continuity and Acculturation Strategies on Acculturation of Children in Russian Families in Latvia. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-historical psychology*, 2015. Vol. 11, no. 2, pp. 68–79. (In Russ., abstr. in Engl.). doi: 10.17759/chp.2015110207.

* *Ryabichenko Tatiana Anatol'evna*, Junior research fellow at the International Scientific-Educational Laboratory, Expert Institute, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia. tryabichenko@hse.ru

** *Lebedeva Nadezhda Mikha'lovna*, PhD in Psychology, professor at the Department of Organizational Psychology, head of the International Scientific-Educational Laboratory, Expert Institute, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia. nlebedeva@hse.ru

*** *Plotka Irina Danilovna*, PhD in Psychology, professor, head of the MA in Psychology program at the Baltic Psychology and Management University College, Riga, Latvia. irinaplotka@inbox.lv

motivation. Lincoln, NE: University of Nebraska Press, 1990. Vol.37, pp. 201–234.

4. Berry J.W., Sabatier C. Acculturation, discrimination, and adaptation among second generation immigrant youth in Montreal and Paris. *International Journal of Intercultural Relations*, 2010. Vol. 34(3), pp. 191–207.

5. Berry J.W., Sabatier C. Variations in the assessment of acculturation attitudes: Their relationships with psychological wellbeing. *International Journal of Intercultural Relations*, 2011. Vol. 35., pp. 658–669.

6. Cara O. The Acculturation of Russian-Speaking Adolescents in Latvia. Language Issues Three Years After the 2004 Education Reform. *European Education*, 2010. Vol. 42, no. 1, pp. 8–36.

7. Gezentsvey Lamy, M. A., Ward, C., Liu, J. Motivation for Ethno-cultural Continuity. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2013. Vol. 44, pp.1047–1066.

8. Gezentsvey M., Ward C. Unveiling agency: A motivational perspective on acculturation and adaptation. In Sorrentino R. (Eds.). *Handbook of motivation and cognition across cultures*. San Diego: Elsevier. 2008, pp. 213–236.

9. Güngör D. The interplay between values, acculturation and adaptation: A study on Turkish-Belgian adolescents. *International Journal of Psychology*, 2007. Vol. 42 (6), pp. 380–392.

10. Hazans M. Labor Market Integration of Ethnic Minorities in Latvia. In Kahanec M. (eds.). *Ethnic Diversity in European Labour Market Challenges and Solutions*, Cheltenham, United Kingdom, Northampton, Edward Elgar, United States, 2011, pp. 163–197.

11. Ivlevs A. Minorities on the move? Assessing post-enlargement emigration intentions of Latvia's Russian speaking minority. *The Annals of Regional Science*, 2013. Vol. 51, pp. 33–52.

12. Jasinskaja-Lahti I. Long-term immigrant adaptation: eight-year follow-up study among immigrants from Russia and Estonia living in Finland. *International Journal of Psychology*, 2008. Vol. 43(1), pp. 6–18.

13. Jasinskaja-Lahti I., Horenczyk G., Kinunen T. Time and context in the relationship between acculturation attitudes and adaptation among Russian-speaking immigrants in Finland and Israel. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 2011. Vol. 37, pp. 1423–1440.

14. Jasinskaja-Lahti I., Liebkind K., Horenczyk G., Schmitz P. The interactive nature of acculturation: perceived discrimination, acculturation attitudes and stress among young ethnic repatriates in Finland, Israel and Germany. *International Journal of Intercultural Relations*, 2003. Vol. 27 (1), pp. 79–97.

15. Jetten J., Hutchison P. When groups have a lot to lose: Historical continuity enhances resistance to a merger. *European Journal of Social Psychology*, 2011. Vol. 41, pp. 335–343.

16. Kruusvall J., Vetik R., Berry J.W. The Strategies of Inter-Ethnic Adaptation of Estonian Russians. *Studies of Transition States and Societies*, 2009. Vol.1, issue 1, pp. 3–24.

17. Kus-Harbord L., Ward C. Ethnic Russians in post-Soviet Estonia: Perceived devaluation, acculturation, well-

being, and ethnic attitudes. *International Perspectives in Psychology: Research, Practice, Consultation*, 2015. Vol. 4(1), pp. 66–81.

18. Naturalizācija [Elektronni resurs], 2014. Available at: <http://www.mfa.gov.lv/lv/Arpolitika/integracija/pilsoniba/naturalizacija/> [Naturalization] (Accessed 28.10.2014).

19. Nguyen A. M., Benet-Martinez V. Biculturalism and adjustment: A meta-analysis. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2013. Vol. 44(1), pp. 122–159.

20. Pilsonibas un migrācijas lietu parvaldes iedzīvotāju reģistrs [Elektronni resurs] [The Office of Citizenship and Migration Affairs Population Register]. Available at: <http://www.mfa.gov.lv/lv/Arpolitika/integracija/pilsoniba/likums/> (Accessed 28.10.2014).

21. Pisarenko O. The Acculturation Modes of Russian Speaking Adolescents in Latvia: Perceived Discrimination and Knowledge of the Latvian Language. *Europe-Asia Studies*, 2006. Vol. 58, no. 5, pp. 751–773.

22. Reicher S. Making a past fit for the future: The political and ontological dimensions of historical continuity. In F. Sani (ed.) *Self continuity: Individual and collective perspectives*. Hove, UK: Psychology Press, 2008, pp. 145–158.

23. Roccas S., Horenczyk G., Schwartz S.H. Acculturation discrepancies and well-being: the moderating role of conformity. *European Journal of Social Psychology*, 2000. Vol. 30, issue 3, pp. 323–334.

24. Rudmin F. W. Steps towards the renovation of acculturation research paradigms. *Culture and Psychology*, 2010. Vol. 16, pp. 299–312.

25. Sam D.L., Berry J.W. (eds.). *Cambridge handbook of acculturation psychology*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 576 p.

26. Sani F., Bowe M., Herrera M. Perceived collective continuity: Seeing groups as temporally enduring entities. In F. Sani (ed.) *Self continuity: Individual and collective perspectives*. Hove, UK: Psychology Press, 2008, pp. 159–172.

27. Sani F., Bowe M., Herrera M., Manna C., Cossa T., Miao X., Zhou Y. Perceived collective continuity: Seeing groups as entities that move through time. *European Journal of Social Psychology*, 2007. Vol. 37, pp. 1118–1134.

28. Sani F., Herrera M., Bowe M. Perceived collective continuity and ingroup identification as defence against death awareness. *Journal of Experimental and Social Psychology*, 2009. Vol. 45, pp. 242–245.

29. Smeeke A., Verkuyten M. When national culture is disrupted: cultural continuity and resistance to Muslim immigrants. *Group Processes and Intergroup Relations*, 2014. Vol. 17(1), pp. 45–66.

30. Statistical Yearbook of Latvia 2013. Central Statistical Bureau of Latvia. Riga. 2014. 535 p.

31. Ward C. Probing identity, integration and adaptation. *International Journal of Intercultural Relations*, 2013. Vol 37, pp. 391–401.

32. Zepa B., Šūpule I., Klave I., Krastina L., Krišāne J., Tomsone I. Ethnopolitical Tension in Latvia: Looking for the conflict solution. Riga: Baltic Institute of Social Sciences, 2005. 81 p.